

Увидев этого свернувшегося пернатого змея в глубине чёрного тумана и лицо в вышине этой громадины, Азик было опешил. Потом у него застучало в боку лба, словно его поразили в висок и раскалывали голову надвое.

И среди невыносимо мучительной боли в сознании Азика вспыхнули несколько не связанных друг с другом видений:

Пернатый змей с лицом, похожим на его собственное, как две капли воды, до мельчайших подробностей;

Над тихой землёй висят бесчисленные бледные трупы;

В воздухе парят облака из куч костей разных животных;

Из земли прорезались чёрные щупальца, и на каждом – глаза, как у мёртвых рыб;

Из его, Азика, тела силой вытянули прозрачное Духовное Тело.

После этих вспышек на Азика взглянули два глаза, пылающих белым, но готовых вот-вот погаснуть. Слетело, порхая, белое перо, запятнанное жёлтым маслом, и раскололо прозрачное Духовное Тело Азика надвое.

Одна часть вдруг взлетела и нырнула в "костяное облако". Оставшаяся слилась с каким-то золотым приспособлением, внезапно возникшим из воздуха. Среди языков белесого пламени эта часть снова материализовалась в плоть и кровь.

Это видение, словно молот бога грома, снова и снова ударяло по сознанию Азика, и боль от этих ударов становилась едва выносимой. Он поднял руку к голове, а колени его постепенно подались, и он упал ими на лестницу.

Он, наконец, припомнил всё, что произошло, и понял, почему постоянно умирал и возрождался, всё время терял память и был вынужден её восстанавливать буквально каждый раз.

Его душа была незавершённой, неполной!

Заодно Азик понял ещё, почему у пернатого змея, грозно царившего в пространстве, которое занимал полностью, в глубинах чёрного тумана, было такое же лицо, как у него самого.

Это и был он!

Это был другой Азик Эггерс!

И всё это была скрытая попытка перед падением Смерти.

Если существовало сшивание душ, то, естественно, было и разделение, разрывание их. В те мгновения безумная и могучая сущность Смерть, казалось, предвидела "Свой" исход. Не желая так легко сдаться и погибнуть, "Он" тайком разделил душу своего сына – Консула Смерти Баламской Империи. Забрал половину и заменил неким предметом, сшив его с душой Азика.

Оставалось тайной, было ли то намеренно подстроено Смертью или являлось непредвиденным последствием Проекта "Искусственная Смерть" Зловещего Епископата, но половина души, отнятая у Консула Смерти, слилась с тем, что было целью Проекта "Искусственная Смерть" – Уникальностью пути Смерти. Оттого эта Уникальность позаимствовала некоторые врождённые способности и начала воздействовать на тех Потусторонних Высоких Последовательностей пути Собирателя Трупов, что не преуспели в продвижении.

А что касается другой половины, хоть и было нечто заменяющее первую, дополняющее, но неполная душа вызывала череду смертей и воскрешений, точь-в-точь как Неумирающий Последовательности 4. Благодаря же золотой вещице, встроенной в тело, и зову другой половины души, Азик, каждое воплощение начинавший новую жизнь, постепенно восстанавливал свою память о былом с течением времени.

Некогда в прошлом Искусственная Смерть пыталась определить причину, но из-за того, что он естественным образом восстанавливал воспоминания, то часто бывал снова на грани гибели. И не мог углубляться в расследования. К тому же Проект "Искусственная Смерть" Зловещего Епископата достиг размаха в прошедшие несколько веков. И лишь в поздние времена в нём достигли какого-то успеха. Потому Азик так и не нашёл ответа.

– Аах! Аах! Аах!

В какой-то момент Азик отнял руки от головы. Они теперь касались лестницы, а глотка Азика в это время издавала голос, непохожий на человеческий.

Со лба Азика сбегали капли пота и ударялись перед ним о каменные ступени. Расплывались слоем бледно-жёлтого масла и прорастали тут же частыми белыми перьями.

В этот миг Азик услышал, как взывает другая половина его души, а вместе с ней её страстное желание. Два Я, что были на более чем тысячу лет разлучены, жаждали слиться воедино, снова стать целым.

– Нет... – Бормотал Азик, одолеваемый болью, не в силах поднять голову, вытянуть руку.

Он видел ясно, "он" - змей с перьями был лишён разума, и переполняем лишь невообразимым ледяным безумием. Стоит стать единым с этим змеем и наверняка вмиг вернётся прежнее состояние Консула Смерти. А то и поддельной Смертью без капли человечности можно было стать!

Он бы забыл всех и вся, чем когда-либо дорожил.

- Нет... - Снова и снова вырывалось из горла Азика одно и то же слово. Не в силах сопротивляться, он вытягивал шею всё выше, и на ней появлялись чёрная, как смоль, мрачная, жуткая чешуя.

На лбу у него выступило что-то начавшее жить само по себе. Лоб раскололся, пошёл кровавой трещиной.

Из ниоткуда мелькнул проблеск золотистого света и стал обретать осязаемую форму в плоти и крови Азика.

Это было старинное золотое украшение в виде птицы, длинношеей, изящно-тонкой. Вокруг неё, как перья, лучились языки бледно-белесого пламени. А в бронзовых глазах виднелись мерцающие наслоения света, которые сами собой образовали таинственную, призрачную дверь.

В тот миг, что она появилась, Азик издал низкий рык боли. Поднял голову полностью, из его глаз, многое повидавших, вырвалась пара проблесков-искорок белесого пламени.

В глубине чёрного тумана призрачно-реальный пернатый змей уже выпрямился. Вытянул шею, и два одинаковых лица, только разных размеров, молча взирали друг на друга.

Вспорхнули четыре языка бледно-белесого пламени, и Азик, упиравшийся руками в землю, понемногу с трудом поднялся, кривя лицо. Медленно зашагал к пернатому змею, зовущемуся Искусственной Смертью.

И когда приблизился, вся усыпальница начала сотрясаться. Всё вокруг стало прозрачным, и отразился мир бесчисленных скелетов и теней.

Окровавленные руки, иссиня-чёрные лозы с лицами младенцев, склизкие щупальца с глазами мёртвых рыб или с рядами острых зубов, по два ряда на каждом, прорывались сквозь границу между призрачным и реальным, тянулись в усыпальницу. Но приникали вплотную к земле и не смели двинуться.

Восточный Балам, город Колэйн.

Дейли Симон, спешившая к своей очередной цели, вдруг остановилась и взялась за голову.

- Что случилось? - спросил недоуменно капитан Красных Перчаток Созст.

Дейли чуть нахмурилась и ответила как-то растерянно, словно погрузившись в грёзы:

- Я слышала странные голоса. Чувствую зов, что исходит из какого-то неведомого края... Мне даже хочется упасть на колени...

- А вы, все остальные, слышите? - опасливо вопрошал Созст у её товарищей по команде.

И едва Леонард Митчелл покачал головой, он услышал в своей голове пожилой голос.

- Смотри в сторону Моря Берсерка.

Леонард бессознательно обернулся и посмотрел в направлении гавани, в сторону далёкого моря Берсерка. И увидел стелющиеся полосу чистой тьмы, глубокой черноты. Не было ни порывов ветра, ни громадных волн, ни тёмных туч, ни молний, ни ливней, ни солнечного света.

...

Хоть глаза у Клейна были закрыты, его духовное чутьё, не имеющее себе равных, позволяло ощущать всё вокруг. Когда он слышал болезненные бормотания и крики, будто голосом мистера Азика, то ощутил молчание, ставшее как бы осязаемым, и ауру смерти.

- Что происходит? Хоть Искусственная Смерть в глубине усыпальницы не напала на мистера Азика, но подействовала пагубно? - проносились мысли в голове взволнованного, встревоженного Клейна.

Духовное чутьё подсказывало ему, что вот-вот случится то, чего он видеть совсем не желал бы.

Но не мог определить, что же ему делать. Не смел даже открыть глаз и взглянуть на мистера Азика в его нынешнем состоянии и на то, с чем он столкнулся.

То была проблема, которую просто храбростью не решить. То был разрыв в естественном порядке вещей, непреодолимая пропасть.

Вдруг Клейн остро ощутил собственную беспомощность. Но не сдавался, изо всех сил старался подумать, какие из тех предметов, что у него есть с собой, могут быть здесь полезными.

- Всепожирающий Глад? Нет, это совершенно другой уровень. От этой перчатки не будет никакого толку...

Предвестник Смерти? Ещё хуже...

Гримуар Грозеля? Я не взял его с собой... И карту Чёрного Императора тоже не взял, и карту Тирана...

Амулет Пиявка Судьбы... Да, амулет Пиявка Судьбы!

Клейн весьма обрадовался, составив план действий.

Состоял он в том, чтобы с помощью Пиявки Судьбы на время обменяться судьбой с мистером Азиком. Клейн бы за него взял на себя воздействие, оказываемое Искусственной Смертью!

– По самой меньшей мере у меня ещё есть шанс на возрождение. Что же до мистера Азика, то смерти, которые он перенёс прежде, были иные и случились не от подобного ущерба. Кто знает, проснётся ли он вновь при таких вот обстоятельствах! – Клейн не раздумывал, подействует ли амулет Пиявка Судьбы на Азика и Искусственную Смерть. Хотел лишь попробовать, испытать. Приподнял правую руку, потянулся к карману.

И тут его действия замедлились, затормозились.

Рука чуть приподнялась, да вернулась в прежнее положение.

На миг Клейн застыл, окаменел, словно в истукана превратился.

У него несколько раз вздрогнули губы, и лицо чуть заметно скривилось. А затем он махнул правой рукой, опустил её в карман и снова вынул.

Вынув, крепко сжимал амулет в виде карты из чёрного кристалла.

Азик в это время приближался к громадному змею. Ускорил шаги, словно возвращался к своему трону.

Но глаза его, белесо пламенеющие, были полны боли. Лицо его невероятно исказилось.

– Нет... – Снова бормотал Азик. На открытых участках кожи у него росли белые запятнанные жёлтым маслом перья промеж чёрных как смоль чешуек.

Яростный крик-зов и собственное желание едва ли не лишили его самообладания. Он вот-вот готов был воспарить в небеса и ринуться к гигантскому пернатому змею, у которого было то же лицо, что у него.

Языки белесого пламени распространялись из птицевидной драгоценности на его лбу, растекались по всему телу.

Духовное чутьё Клейна посылало предупреждающие сигналы, и он поспешил произнести одно слово на древнем Гермесе:

- Судьба!

И едва собирался применить амулет, вокруг всё притихло. Больше не слышно было ни звука.

Из ниоткуда вдруг появилась изящная светлокожая женская ручка и нажала на золотую птицевидную драгоценность на лбу Азика.

И затем между Азиком и громадным, высоченным призрачным пернатым змеем материализовалась некая фигура, мешая им, приближаться друг к другу.

С помощью этой внешней силы Азик, наконец, сдержал то желание, тот непреодолимый позыв слиться со вторым собой. Белесые языки пламени в его глазах как бы "отражали" парящую в воздухе фигуру.

То была прекрасная дама в старинной мантии, с чёрным капюшоном на голове. Лицо дамы было мертвенно-бледно и бесчувственно, а чёрные глаза глубоки, мрачны, без единого проблеска духа.